

**Лилия Быкова, Войцех
Каминьски**

**Родство слов и их современная
структура**

Studia Rossica Posnaniensia 27, 221-232

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РОДСТВО СЛОВ И ИХ СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА

COGNATION OF WORDS AND THEIR CONTEMPORARY STRUCTURE

ЛИЛИЯ БЫКОВА
ВОЙЦЕХ КАМИНЬСКИ

ABSTRACT. The article deals with the phenomenon of de-etymologization of Russian words. The authors distinguish, characterize and richly illustrate several types of the phenomenon.

Лилия Быкова, Харьковский университет, Кафедра русского языка, пл. Независимости 4, Харьков, Украина.

Wojciech Kamiński, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

В русском языке существует множество слов, которые вызывают сомнения относительно их происхождения, родства с другими словами, словопроизводства и членности, хотя часто они воспринимаются по своей структуре как производные, непервичные: *крестьянин, сугроб, сволочь, завод* 'предприятие', *промышленный* и под. Словопроизводные и родственные связи оказываются ослабевшими (*жуужжать* – *жук*, *образ* – *безобразный*, *обожать* – *бог*, *сливки* – *сливать*), слабыми (*мысль* – *промысел*, *кора* – *корица*) или совсем нарушенными (*победа* – *беда*, *горе* – *гореть*, *остров* – *струя*, *стыд* – *студить*). В последнем случае „рядовые” носители языка и не подозревают о производности и былой членности слов: генезис слов, источник их значения часто забывается. Рефлексии носителя языка и исследования лингвиста дают различные описания.

Л. А. Булаховский в связи с этим отмечал „значительную неопределенность восприятия отношений между собой членов этимологической группы (гнезда)” и подчеркивал реальность такого анализа лишь для родного языка¹. Знание исторических связей слов зависит от лингвистической компетентности носителя языка (чтение литературы, знание комментариев к истории слова и т.д.),

¹ Л. А. Булаховский, *Дезэтимологизация в русском языке*, „Труды Института русского языка” 1949, т. 1. Цит. по кн.: *Введение в языкознание. Хрестоматия*, Минск 1977, с. 184.

от способности к внимательному, осмысленному подходу к структуре и значению слова. В. А. Богородицкий называл эти способности „непосредственным чутьем” и отмечал, что слова могут *осознаваться* в своей сложности, „когда внимание почему-либо устремляется па морфологический состав слова”, – часто тогда, когда говорящий сталкивается с непонятной для него лексемой или создает новые слова². Носители языка, подходя к словам эвристически, могут строить лингвистические догадки, которые, не будучи лишены семантического обоснования, объективно-исторически не всегда подтверждаются. Такое ложное понимание структуры слова (ложная этимология) проявляется на разных уровнях и имеет несколько разновидностей: на уровне словарной фиксации, то есть языковом (*свидетель* – исторически от *ведать* ‘знать’; *синица* из *зиница* – от звукоподражательного ‘зинь’; *близорукий* из *близозоркий*); как зафиксированное в нелитературной речи искажение с явной ориентацией на новое осмысление слова (*рельсовый* вместо *рейсовый*); как зафиксированное „этимологическое рассуждение” (жители Хамовников не хотят считать себя хамами – из телепередачи) и, наконец, окказиональное членение как художественный прием для достижения комического эффекта (ряж-ен-к-а – ‘модница’, бесшабаш-ность – ‘работа без перерыва’, ловел-ас – ‘хороший вратарь’, бай-к-а – ‘жена бая’, треп-анг – ‘болтун’, с-тре-мя – ‘банкет четвером’ и под. – см. 16-ю страницу „Литературной газеты”).

В случаях, когда происхождение, образование и соответственно структура лексемы вызывают сомнения, когда ее родственные связи неявны, когда в слове лишь мерцает, брезжит свет другого слова, когда его состав наводит на мысль о том, что в основе могут быть аффиксальные части, – мы обращаемся к этимологическим, историческим словарям, к словарю иностранных слов и сравниваем их данные с современным членением слова в *Словообразовательном словаре русского языка* А. Н. Тихонова³. Можно обратиться к специальным этимологическим исследованиям, к работам по исторической лексикологии, к фактам древнерусского языка. Зная близкородственные языки, можно привлечь в подтверждение реальные производящие, которых нет в русском языке (ср., например, польск. *jaje* – и русск. *яйцо*; укр., польск. *хижа*, *chujza* – и русск. *хижина*; польск. *kosz* – и русск. *кошелек*, *кошелка*; укр. *жах* – и русск. *ужас*; укр., польск. *важити*, *ważuć* – и русск. *важ-*

² В. А. Богородицкий, *Лекции по общему языкознанию*, Казань 1915. Цит. по кн.: *Хрестоматия по истории русского языкознания*, Москва 1973, с. 440.

³ А. Н. Тихонов, *Словообразовательный словарь русского языка*, т. 1-2, Москва 1985.

ный, укр., польск. *бавити*, *bawić* – и русск. *забавлять* и многие другие).

Заемствованные слова изолируются в составе русского языка в том смысле, что их этимологические связи остаются в пределах других языков. В качестве примера можно привести некоторые из многочисленных нечлененных слов в русском языке, образованных на базе латинских: *анималист* (*animal* ‘животное’), *априори* (*a priori* ‘из предшествующего’), *вектор* (*vector* ‘несущий’), *донор* (*donare* ‘дарить’), *студент* (*studens* ‘усердно занимающийся’), *консервы* (*conservere* ‘сохранять’), *территория* (*terra* ‘земля’).

Уже сам факт выхода в поисках родственных связей за пределы одного, современного языка, современного словарного состава, современных смысловых связей между словами и факт обнаружения несовпадения говорит о том, что в словопроизводных связях лексемы, в ее возможном родственном гнезде, а значит и в ее членности, произошли изменения. Членность с позиции синхронии устанавливается на базе современной смысловой и формальной выводимости данного слова из другого (членность по принципу словообразовательному: *садик* – *сад*), на базе сопоставления с родственными словами и словоформами в случае, если слово непроизводно, но его аффиксы переменны и их выделение возможно, по принципу так называемой остаточной членности (*птица* – *птаха* – *птенец*), – в том и другом случае в результате сравнения со словами и словоформами современного языка, и только одного (этого) языка.

Из всех изменений, которые произошли в основах в результате сдвигов в составе родственных слов (особенно важно наличие производящего), изменения смысловых отношений между бывшими родичами, динамизма в системе их многозначности, в номинации разных предметов и понятий с помощью данных лексем, в звуковом составе и структуре родственных в прошлом слов, – рассмотрим здесь одно явление, которое называется „опрошение”.

Представители Казанской лингвистической школы (И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, Н. В. Крушевский, С. К. Булич, А. И. Анастасьев) впервые сформулировали строгое разграничение процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования (синхрония), и процессов исторических, совершающихся на протяжении длительного времени (диахрония). В. А. Богородицкий⁴ обогативший русскую науку понятием и термином „опрошение”, определяет это явление как упрощение морфологического состава слова за счет присоединения аффиксов к корню,

⁴ В. А. Богородицкий, ук. соч., с. 440.

как превращение сложной основы в простую, как утрату генетического морфологического (т.е. структурного) значения в пользу реального, как превращение ассоциированного (т.е. мотивированного) слова в простой символ представлений, как забвение носителями языка связей слова или формы – с другими. В типичных случаях слово, в массовом сознании существующее как первичное, непроизводное, исторически было мотивированным (или были основания для членения его как непроизводного). Н. В. Крушевский⁵ назвал это явление „сглажением” первоначального происхождения, интеграцией состава слова. Л. А. Булаховский дал этому явлению название „дестимологизация”, предлагая сходное по сути толкование понятия: слово „перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе оно раньше было связано... становится в лексической системе языка этимологически более изолированным”⁶.

Отдавая себе отчет в том, что обстоятельств, способствующих опрошению много, сделаем попытку систематизировать основные. Данные о происхождении и родстве слов взяты из этимологических словарей М. Фасмера⁷ и Г. П. Цыганенко⁸, а также из словаря В. Даля⁹.

Самым бесспорным обстоятельством дестимологизации, в результате которой массовым сознанием слово воспринимается в современном языке как непроизводное и нечленимое, является утрата или арханзация „родителя” (производящего) и родственных слов с другой аффиксальной частью, которые помогли бы вычленивать по принципу остаточной членимости „кандидат в аффиксы” и осмыслить его. Мы располагаем только производными от целостной уже основы, которые не дают оснований для ее членимости: азбука (от азъ, буки), алфавит (от альфа, бета, вита), аляповатый (от оляпать ‘сделать грубо’), басня (от баять ‘говорить, рассказывать’), буженина (от обудити ‘коптить, вялить’), булыжник (от булыга ‘камень, суковатая палка’), важный (от вага ‘вес’), вдребезги (от дребезг ‘звон, треск’), вежливый (от вега ‘знаток’), верзила (от верзнить ‘неловко, бестолково что-нибудь делать’), жога (от жога ‘водить’), взбалмошный (от балмошь), гайка (от ганть ‘крыть, закрывать’), горница (от горный ‘верхний’), гусли

⁵ Н. В. Крушевский, *Очерк науки о языке*, Казань 1883. Цит по кн.: *Хрестоматия по истории русского языкознания*, Москва 1973, с. 423.

⁶ Л. А. Булаховский, *ук. соч.*, с. 185.

⁷ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1-4, Москва 1987.

⁸ Г. П. Цыганенко, *Этимологический словарь русского языка*, Киев 1989.

⁹ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1-4, Москва 1989.

(от густн 'гудеть'), доблеть (от добль 'храбрый'), дотла (от тло 'дно'), дылда (от дылять 'слоняться'), заноза (от нозити – занозити 'пронзать, колоть'), искусство (от кусить 'испытывать'), калач (от коло 'круг'), неуклюжий (от клюдь 'красота'), невеста (от веста 'знакомая'), низменный (от низмень 'низкое место'), отец (в древнерусском языке отьний 'отцовский'), отлынивать (от лынь 'лентяй'), палка (от пала 'дубина'), портной (от порты 'одежда'), посетить (от съть 'гость'), прачка (от прать 'стирать'), скорняк (от скорнь 'сапог', которое, в свою очередь, от скора 'шкура'), сутки (от су- и слова тька, связанного с тькать), трава (от труть 'есть'), тучный (от тук 'жир'), юркий (от юрить 'суетиться'), ящик (от яскъ, от скандинавского 'деревянный сосуд') и огромное множество подобных.

Арханзация лексемы – в целом процесс длительный, и степень актуальности слова может быть разной (ср., например, слова из языка XVIII-XIX вв.: вервие – совр. веревка, витня – совр. витневатый, уст. мошна – совр. мошенник). Старые слова оседают в диалектной речи и проливают свет на историю современной литературной лексики (ср. диал. сякнуть 'течь' – и несякнуть, диал. алабер 'порядок' – и безалаберный, брезг 'рассвет' – и брезжить, ватра 'огонь' – и ватрушка, зинуть 'открыть рот' – и разинуть, ряхая 'красивая, нарядная' – и неряха, зык 'шум, крик' – и зычный).

Отношения былой и современной производности и членимости даже в этимологических словарях (тем более, в настоящей статье) часто отмечаются общим ориентиром, точкой исходной языковой материи, между тем как за этим может стоять сложная и часто индивидуальная история истинной последовательности словопроизводства по определенной модели, существование исходных, промежуточных, исчезнувших и появившихся смыслов, сдвигов в значениях слова. В общих чертах о таких условиях деэтимологизации писал Л. А. Булаховский¹⁰. Приведем несколько примеров, достоверность которых не вызывает сомнений. Слово *врач* происходит от *врать* 'говорить, заговаривать', *обруч* – от утраченного значения 'кольцо, браслет' (отсюда связь с рукой), *огрех* – от *грех* в значении 'ошибка', *престол* – от старинного *стол* в значении 'трон', *сохатый* – от *соха* в значении 'палка', *убогий* – от *бог* в значении 'благо', *ошеломить* – от *шелом* 'обух', то есть первоначально 'ударить обухом по голове'. Выражение „происходит от“ может обозначать начало и конец деривационной истории слова; чтобы объяснить слова и формы современного русского языка, необхо-

¹⁰ Л. А. Булаховский, ук. соч., с. 184.

дно исторически рассмотреть их первоначальный вид и позднейшие изменения.

Немаловажным является и то обстоятельство, что производное в синхронии слово часто бывает лишь намеком на лексическое значение производящего (*колесо – колесить, пол – подпол, горчица – горчичник*), что смысл слова может быть шире, уже, специализированнее того значения, которое в сумме составляют производящая основа и формант. В процессе номинации – особенно в сфере имени – мотивирующее слово выступает как внутренняя форма, как сравнение вновь познаваемого и прежде познанного. Между первым (признаком) и вторым (значением) имеется значительное расстояние; внутренняя форма показывает, как представляется человеку его собственная мысль, – писал А. А. Потебня¹¹. Как средство выражения и понимания, а не выражаемого содержания, внутренняя форма старых слов становится неясной для современного сознания, тем более что для номинации мог быть избран один из множества признаков и даже несущественный, случайный (*весло ← везти, кружево ← кружить*). Этим обстоятельством Б. А. Серебрянников объясняет тот бесспорный факт, что многие слова в различных языках мира не поддаются этимологизированию¹². Понимая лингвистические основы современной номинации с помощью словопроизводства, мы не уверены в своих предположениях о происхождении старых слов со следами былой производности, в том, какой признак, существенный или случайный (и какой именно), положен в основу наименования. „Тайна”, открываемая с помощью этимологического словаря, подчас поражает своей простотой: ср. *жук, галка, глагол* (звукоподражательные) – и производное в плане синхронии *кукушка*; *весло (везти), масло (мазать)* – и *мыло*; *кадык (кадык), грыжа (грызть), черепаха (черепа)* – и метафорические номинации типа *испенелить, исколесить, пропесочить, распушить, раздраконить* и под.

Этот семантический срез тем более не реализуется при анализе огромного (наибольшего) количества в прошлом производных слов, переживших опрощение вследствие обстоятельств расхождения в семантике с имеющимися в языке возможными производящими и родственными словами (*беседка – беседовать; замечательный – метить, заметить; преподавать – дать*). Здесь в трактовке господствует субъективизм мнений (семантический критерий, как известно, наиболее шаткий), находящий отражение даже в специаль-

¹¹ А. А. Потебня, *Мысль и язык*, Харьков 1913. Цит. по кн.: *Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков*, Москва 1956, с. 210.

¹² Роль человеческого фактора в языке. *Язык и картина мира*, Москва 1988, с. 98.

ных словарях. Апелляция к массовому сознанию вряд ли, кроме неизбежно ограниченного эксперимента, может быть „материализована”, а наличие или отсутствие смысловых связей между современными словами с явно просвечивающим родством, даже с учетом их значений только на синхронном срезе, не укладывается в прокрустово ложе категорических решений.

Читатель вправе сам для себя решить вопрос о современном родстве исторически действительно родственных слов: *вместо* – *вместе*, *воздух* – *дух*, *восток* – *течь*, *граница* – *грань*, *забыть* – *быть*, *зависть* – *видеть*, *завод* – *вести*, *замечательный* – *метить*, *запад* – *падать*, *заразить* – *разить*, *защита* – *щит*, *издать* – *дать*, *окно* – *око*, *осна* – *сытять*, *подушка* – *ухо*, *порошок* – *порох*, *промысел*, *промышленность* – *мысль*, *презирать* – *зреть*, *смородина* – *сморд*, *состязание* – *стяжать*, *улика* – *лицо*, *чернила* – *черный* и под.

При этом хочется вспомнить совет современного теоретика словообразования А. И. Монсева: ближее этимологизирование, то есть принятие слабых, мерцающих в словах смысловых связей как родственных, „лучше, чем бескомпромиссное синхронизирование”¹³. И действительно, увлечение статикой при описании синхронных систем приводит к жестокости, ригористичности анализа и выливается в статичность описания.

Принимая эти связи, но не зная подлинной истории слов, мы не в состоянии всегда по структурным признакам определить их последовательные словопроизводные и смысловые отношения (*дух* – *воздух*, *лицо* – *улика*, *течь* – *патока* и т.д.).

Л. А. Булаховский, анализируя условия дестимологизации, писал об „утрате обстоятельств называния”¹⁴. Это положение в большей степени касается отношений: реальный мир – языковая картина мира. Современному сознанию говорящих трудно или невозможно понять связь реальных и понятий (особенно если она высвечивается формой былого производного) без историко-бытового или историко-культурного комментария, трудно или невозможно объяснить связь: вещь – слово.

Конкретными, реальными „обстоятельствами называния” (материальными – на уровне бытового сознания, мировоззренческими, культурными, традиционными, морально-этическими, художественными и др.), не исключаящими и последующие изменения значений исходного и производного слова, объясняется, например, происхождение лексем: *мешок* (первоначально ‘сшитый из меха’),

¹³ А. И. Монсеев, *Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке*, Ленинград 1987, с. 37.

¹⁴ Л. А. Булаховский, *ук. соч.*, с. 186.

простыня (первоначально ‘простое, исподшитое полотно’), *баранка* (из *объваранка*, первоначально ‘вареная’ – ср. польск. *obwarzanka*), *палуба* (от *па-* и *луб* ‘корзина из коры березы’), *рубль* (от *рубить*, т.е. ‘обрубок гривны’), *копейка* (от *копье*), *врач* (от *врать* ‘говорить, заговаривать’), *знахарь* (от *знать*), *ведьма* (от *ведать*), *булавка* (от *булава*), *опешить* (первоначально ‘сделаться пешим, т.е. лишиться коня’), *перочинный* (*чинить перо*) и под. Предмет может утрачивать признаки, ранее для него характерные, а консервативное название остается (см. *мешок*, *перо*).

Н. В. Крушевский, говоря об отношениях реалія – названіе, писал о том, что есть вещи, которым суждено в течение веков и тысячелетий постоянно изменяться, что история слова может не иметь общего с историей вещи, что слово может служить знаком бесконечного ряда меняющихся с течением времени вещей: слово *стол* обозначало ‘стол’ и ‘престол’; польск. *powróż* буквально ‘завязка’ (ср. укр. *поворозка*) указывает на то, что некогда двери не запирались, а завязывались; польск. *zwłoki* ‘труп’, буквально ‘оболочка’, свидетельствует о христианском происхождении слова¹⁵. По словам Б. А. Серебрянникова, история предметов далеко не всегда восстанавливается¹⁶.

В числе обстоятельств дестимологизации Л. А. Булаховский назвал „нечеткость восприятия при переходе слов из одной социальной среды в другую” и расхождение стилистических сфер употребления¹⁷. Так, слово *мужик* (уменьшительное от *музь* ‘мужчина’) приобрело ‘резко социальную окраску’, а в крестьянской среде употребляется в значении ‘муж’. Аналогичные отношения, вероятно, можно проследить в рядах: *боярин* – *барин* – *барышня*; *дева* – *девица* – *девка* – *девушка*, *христианин* – *крестьянин* и в других словообразовательно соотносимых антропонимах, отражающих дифференциацию социальных, классовых, экономических, мировоззренческих и иных отношений и оценок.

Многие факты дестимологизации в значительной степени объясняются звуковыми изменениями в родственных словах.

Фонетические изменения, по мнению Н. В. Крушевского, служат еще большей интеграции и изоляции слова, его еще большей эмансипации от прежних родичей¹⁸. Особенно сильно действующим фактором „эмансипации” являются нерегулярные, спорадические фонетические изменения, стоящие за рамками собственно

¹⁵ Н. В. Крушевский, ук. соч., с. 432.

¹⁶ *Роль человеческого фактора в языке*, ук. соч., с. 102.

¹⁷ Л. А. Булаховский, ук. соч., с. 183.

¹⁸ Н. В. Крушевский, ук. соч., с. 431.

исторических чередований звуков, способствующие деформации фонетического облика слова, способствующие его фонетическому „выветриванию” (*полтора* из *польвторя*). По нашим наблюдениям, смысловое сходство может „перекрывать” фонетические расхождения и способствовать сближению родственных лексем (*бедро* – *берцовый* – из старого *бедрецо*); значительная фонетическая „деформация” может разводить даже близкие по значениям лексемы (одна из этимологий слова *ватрушка* – *творожка*).

К числу нерегулярных звуковых изменений относятся приставные звуки, так называемые протетические (*гусеница* – от *ус*, *ветчина* – от *отец*, *восемь* – ср. *осьминог*); вставные, так называемые эпентетические (ср. *объять* и *обнять*); утрата звуков, так называемая дисреза (*долото* – первоначально *долбыто* – от *долбить*, *кочегар* – от *кочерга*, *облако* – от *обволакивать*, *область* – от *обвласть*); утрата слогов (*закоулок* – от *заколоулок*, *залихватский* – от *залихохватский*); диффузия звуков (*приду*, *разевать*, *пнуть*). Звуковые изменения в первично производных словах могут быть индивидуальными: *блин* от *млин*, *ветчина* из *вядчина* (от *вянуть*), *ерепениться* (предположительно от *реней*).

Слово может стать неузнаваемо измененным по своей структуре: *курносый* из *корноносый*, т.е. *коротконосый* – ср. *обкорнать*; *близорукый* из *близозоркий* (способствовало ложное сближение с *рука*).

Способствуют изоляции и в целом не свойственные русской орфографии фонетические написания (*лестница* – от *лезть*, *затхлый* – от *дух*, *весло* – от *везти*, *масло* – от *мазать*, *барсук* – от *бор*). Конечно, фонетическое разобщение могло происходить параллельно с семантическим (а также под влиянием других обстоятельств деэтимологизации) и усугублять этот процесс: ср. *везти* – *весло*, *струя* – *остров*, *ус* – *гусеница*, *мазать* – *масло* и под.

К обстоятельствам структурного порядка, способствующим деэтимологизации, следует, очевидно, отнести незнание современным носителем языка старых значений или форм аффиксов, что не способствует поиску производящего или приводит к непониманию смысла составляющих общего значения. Возможная несимметричность роли смысловых и формальных отношений в осознании структуры слова снимается после „исторической подсказки”: *урод*, *убогий* (приставка *у-* имеет отрицательное значение, *бог* в значении ‘добро’); *отрок* (приставка *от-* в значении ‘не’, *рок* – ‘говорящий’); *жир*, *пир*, *дар* (старый суффикс *-р-* от *жить*, *пить*, *дать*); *окно*, *сукно* (старый суффикс существительных *-н-* – от *око*, *сучить*); *знак*, *брак* ‘супружество’ (суффикс *-к-* в отглагольных образованиях – от *знать*, *брать*).

Объективно невозможно (и не нужно) выдвигать строгие, а потому искусственные для живого, как жизнь, языка критерии опрощения, хотя для лексикографов это не материал для размышления, а научно-практическая деятельность. По аналогии с действующим словопроизводством и членностью слов со связанными корнями следует, вероятно, искать ту точку общего содержания, пусть даже „мерцающую”, которая говорила бы о родстве слов и производности. Следует также учитывать значимость служебных элементов, так как многие аффиксы обнаруживаются в составе членных и нечленных основ. Отдаленный „свет корня” и повторяемость аффиксов повышает членность. В разных категориях слов эти признаки играют разную роль: „ясную” структуру могут иметь слова при неизвестном, непонятном производящем (*скорняк, набалдашник*) и наоборот (*бедро – берцовый, дух – затхлый, дуть – домна*). Прозрачность модели ведет к поискам былой производности, что обычно завершается успехом. „Спомнутная” работа с таким материалом непродуктивна.

С опрощением, проявляющимся в полной или неполной утрате былой членности первично производных слов (забытое или полужабытое родство), смыкается явление нарушения симметрии между словообразовательной формой и ее содержанием (непонятное родство).

В огромном множестве слов, отвечающих по своей структуре и признаку семантической связи с реальной для современного языка базовой основой статусу производного слова, словообразовательные связи в их современной логической выводимости установить невозможно. Это непонятное по связи формы со значением родство слов можно проиллюстрировать множеством приставочных глаголов, явно производных и даже членных, но лишь формально соотносящихся с производящими. Их структура не поддается объяснению, слова не вписываются в действующие словообразовательные модели: *воззвать, выразить, извлечь, исследовать, надлежать, обнаружить, обследовать, объявить, отстоять, отстать, предстоять, преобладать, привлечь, принадлежать, присутствовать, рассказать, расследовать, смыслить, состоять* (примеры можно умножить без труда, привлекая и материал опрощения).

Непонятное родство тоже требует реконструкции первичной мотивации (связи формы и значения), которая очень сложна: на базе какого языкового материала, по какой словообразовательной модели, в какой форме и с каким значением возникло это слово; какие изменения его первичной формы и значения обусловили формы и значения, известные в современном языке; какова роль всех структурных элементов слова; как формировались современные значения из исходных; какие изменения происходили в семантической структуре слова и т.д.

Феномен опрощения и нарушения симметрии между словообразовательной формой и ее содержанием находит свое объяснение в категориях общей лингвистики.

Произвольность знака, отсутствие однозначного соответствия между формой и ее назначением, неизбежность сдвига отношений между означающим и означаемым, между „идеей и знаком”, неравномерность диахронического развития формы и содержания¹⁹ является имманентным законом языка²⁰.

Слова устойчивее, консервативнее понятий: язык обладает способностью „сохранять свою раз возникшую материальную организацию в качестве пережитка очень долгое время после того, как закончился породивший его этап культурного развития”, – отмечал Г. О. Винокур²¹.

Н. В. Крушевский впервые высказал мысль о том, что опрощение – это необходимый языковой процесс, так как длительное употребление слова уменьшает необходимость сохранять следы его происхождения и морфологического состава, и это ведет к „экономии и удобству в мыслительно-речевой деятельности”²². О „лишней прежней внутренней форме” писал и Л. А. Булаховский²³. Очень определенно высказался по этому поводу Б. А. Серебренников: забвение внутренней формы путем формальной и смысловой изоляции слова является проявлением совершенствования языковой техники, так как звуковой комплекс начинает соотноситься не с одним признаком, лежащим в основе номинации, а со всем понятием в целом²⁴.

Превращаясь в симплекс, производное слово уже не является знаком с двойной референцией: оно не соотносится с миром слов, а лишь непосредственно – с миром вещей.

Однако антиномия синхронии/диахронии лежит не в плоскости объекта, а в плоскости исследования. Она преодолевается с помощью истории (не без допустимой гипотетичности). По этому поводу Ф. де Соссюр высказал следующую мысль: „Говоря вообще, гораздо труднее заниматься статической лингвистикой, чем историей. Факты эволюции более конкретны, они больше говорят воображению... занятно следить за рядом превращений. Та же линг-

¹⁹ Ф. де Соссюр, *Курс общей лингвистики*, Москва 1933. Цит по кн.: *Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков*, Москва 1956, с. 343.

²⁰ *Роль человеческого фактора в языке*, ук. соч., с. 151.

²¹ Г. О. Винокур, *О задачах истории языка*. В: Г. О. Винокур, *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1959, с. 210.

²² Н. В. Крушевский, ук. соч., с. 430.

²³ Л. А. Булаховский, ук. соч., с. 187.

²⁴ *Роль человеческого фактора в языке*, ук. соч., с. 97-98.

вистика, которая оперирует сосуществующими значимостями и отношениями, представляет гораздо больше затруднений”²⁵.

Реконструкция первичной связи формы и значения является важным средством постижения соответствующего концепта, то есть содержания понятия, объемом которого является денотат номинации.

²⁵ Ф. де Соссюр, ук. соч., с. 151.